

Милосердие в системе предфилософских категорий древнеегипетской культуры

Скорев Василий Александрович

старший преподаватель, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий,
Россия, г. Омск. ORCID: 0000-0002-2296-9782. E-mail: v.skorev@yandex.ru

Аннотация. Представления о милосердии как добродетели, распространяющейся на всё живое в целом, уходя своими корнями в глубокую древность, продолжают быть актуальными в современном мире. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Ценности как нравственные ориентиры имеют способность передаваться от поколения к поколению на протяжении многих тысяч лет. Они могут являться социально-культурными феноменами, быть не только национальными, но и всечеловеческими. В их числе жизнь, труд, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь. В традиции наших исторических и философских наук обращение к опыту прошлого. Обращение к опыту культуры Древнего Египта происходило также не раз. Это и период поздней античности, начало XIX в. и зарождающаяся египтология как комплексная наука. Аналогичная тенденция прослеживается и в последние десятилетия, в годы переосмысления важности духовно-нравственных ценностей, способов и механизмов их защиты. Научное исследование автора посвящено изучению представления о милосердии в древнеегипетских предфилософских категориях, его репрезентации в опыте государственного, культурного и правового развития древнеегипетского государства. В исследовании делается анализ одной из сакральных категорий древнеегипетской культуры «*Маат*» («миропорядок-справедливость-истина»), ее влиянию на формирование морально-нравственных и социально-политических концепций, традиций и обычаев. Автор приходит к выводу, что этические аспекты категории «*Маат*» коснулись культурных, социальных, политических и правовых отношений. Социальные практики справедливости и милосердия в указанный период закрепили приоритет духовного над материальным, имея при этом объяснимый и рациональный характер, являясь доступными каждому и способствовавшим интеграции общества на протяжении многих веков.

Ключевые слова: власть, государство, древнеегипетская культура, истина, милосердие, порядок, предфилософия, справедливость.

Введение. В современном российском обществе, переживающем период острых социальных, экономических, политических и правовых трансформаций, в целом находящегося под влиянием глобального кризиса, нарастает необходимость переосмысления культурных феноменов. Особый исследовательский интерес вызывают вопросы, связанные с анализом милосердия и смежных категорий, а также противоположных им явлений. Эти вопросы возникают в ходе публичных дискуссий, в частности, о нравственной и правовой легитимации смертной казни, о границах сострадания в дилемме эвтаназии, в благотворительной деятельности и попечительстве, в выборе форм и методов противодействия терроризму, экстремизму. Говоря о состоянии общества, мы фиксируем его универсальные центральные ценности, среди которых важное место занимает милосердие. Человеческая культура и культура общества, проявляясь в политической, правовой, социальной и экономической сферах, не могут оставаться живыми и плодотворными в отрыве от милосердия. Являясь нравственным ориентиром, милосердие способно интегрировать гуманитарные знания, оказывать влияние на формирование мировоззрения, обладает способностью передаваться от поколения к поколению, самобытно проявляется в духовном, историческом и культурном развитии развитых цивилизаций. В совокупности с другими ценностями, такими как справедливость и коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, ответственность, милосердие является важным инструментом противодействия деструктивным идеологиям и технологиям эгоизма, вседозволенности, безнравственности и безжалостности. Эти факторы, определенные в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 1922 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», определяют актуальность и проблематику выбранной темы исследования.

Обсуждение. Милосердие и власть. Представление о милосердии как сострадательной и деятельной любви, выражающейся в готовности помогать каждому нуждающемуся и распространяющейся в идеале на все живое, остается актуальным в современном мире и уходит своими корнями в глубокую древность. С этой точки зрения интересным представляется уникальный опыт государственного и культурного развития Древнего Египта. Вряд ли где-либо еще на Земле на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. существовала государственная и территориальная организация, способная веками и династиями поддерживать преемственность верховной власти и создавшая то, что можно называть особой формой духовной культуры и общественной жизни древнего человека. В этой особой, дофилософской школе сложно провести границы между мифологией и религией с одной стороны, и философией с другой, выявить специфические черты религии, политических отношений, организации территориальной власти, морального и правового сознания.

Культура государственной власти предполагала наличие совершенно определенного мировоззрения. Хотя идеология верховной государственной власти в Древнем Египте выражалась преимущественно в форме религиозных мифов, она была по своему содержанию вполне рациональной. Древнеегипетская государственность носила, с одной стороны, религиозный характер, а древнеегипетская религия, с другой стороны, имела государственный характер.

Предфилософия Древнего Египта являлась противоречием между мифологическим мировоззрением и началами наук. Советский исследователь А. Н. Чанышев [17, с. 101] отмечает, что в таких текстах, как «Разговор господина со своим рабом», «Песня арфиста», «Спор разочарованного со своей душой» присутствуют элементы сомнения в социоантропоморфическом мировоззрении, скептицизм и пессимизм; начинающийся процесс демифологизации и кризис религиозно-мифологического мировоззрения.

Однако, согласно позиции В. А. Томсинова, происходившие в древнеегипетском обществе в середине IV тыс. до н. э. общественные процессы являлись процессами не возникновения, а восстановления некогда существовавшего государства, возрождения древнеегипетской цивилизации [16, с. 27].

Основные вопросы философии, такие как проблема добра и зла, соотношения вины и греха, значения справедливости и силы милосердия стояли перед людьми древнеегипетской цивилизации не менее остро, чем сегодня. Долгое время эти сущностные феномены отождествлялись с невидимыми божественными силами, от которых напрямую зависела жизнь, с которыми, соответственно, необходимо было учиться устанавливать особую связь, выстраивать общение и взаимодействие, уметь действовать согласно царившим культурно-нравственным законам и принципам.

Фундаментальной для всей древнеегипетской духовной культуры является категория «Маат», названная В. В. Ждановым предфилософской категорией [7]. Обладая тремя основными значениями: «миропорядок», «справедливость», «истина», категория «Маат» включает в древнеегипетскую онтологию морально-этическую проблематику. Это больше, чем мотивы всех теокосмогоний. Это то, что установлено извечно, некая божественная и всепронизывающая структура жизни. Есть то, что поддерживает этот принцип, и есть то, что разрушает его. Соответственно, любой человек, от фараона до каменщика, должен был поддерживать этот фундаментальный принцип «Маат». Это было не только общественной необходимостью, но и необходимостью личной ввиду того, что отдельный человек был тесно вплетен в этическую и религиозную систему, воспринимал себя как ее часть, а следовательно, деятельность каждого влияет на вселенскую структуру. Это предопределяло ответственное поддержание существующего порядка в обществе и мире.

В Египте существовало множество текстов и поучений, которые объясняли человеку, как нужно себя вести, чтобы достичь как осязаемых и видимых земных успехов, так и остаться при этом в гармонии с вселенским принципом «Маат». В политико-идеологическом плане поклонение фараону также вело к умножению добра и «Маат».

По мнению В. С. Поликарпова [12, с. 54–55], Ж. Юайотт [18], правила «Маат» предписывали имущим помогать неимущим, а книги древнеегипетских жрецов и мудрецов говорили о милосердии теми же словами, которые зазвучат позднее. Сохранившиеся статуи и рисунки свидетельствуют о том, что эти правила культивировали культуру поведения, сдержанность, внешнюю скромность и дисциплину. Правила «Маат» подчеркивали собственную ценность индивида, но и ставили границы осознанию этой индивидуальной ценности. «Не имей злых намерений к другим людям, ибо боги покарают тебя». Так, в учении Птаххотепа значительное внимание уделяется терпеливому, благожелательному отношению к другому человеку: «Если

ты начальник, будь спокоен, когда слушаешь ты слова просителя; не отталкивай его прежде, чем он облегчит душу [досл.: себя] от того, что он думал сказать тебе». Далее: «Человек, пораженный несчастьем, хочет излить свою душу [даже] больше, чем [добиться] благоприятного решения своего вопроса [досл.: чем выполнения того, из-за чего он пришел]». Знание моральной и социальной силы справедливости как устойчивого столпа власти в совете: «Если ты начальник, отдающий распоряжения многим людям, стремись ко всякому добру, чтобы в распоряжениях твоих не было зла. Велика справедливость и устойчиво [все] отличное. Неизменна она [справедливость] со времен [бога] Осириса, и карают нарушающего законы» [9, с. 57–64].

Справедливость понималась как высшая и объективная категория, независимая от человека. Здесь это божественный приказ, а не цель человеческая. В то же время одним из главных предназначений верховного властителя является необходимость поддерживать справедливый правопорядок в мире и обществе, защищая слабых и обездоленных. Здесь очевидна взаимосвязь двух основных ценностных категорий – справедливости и милосердия. Так, поучение государя наставляло будущего царя Мерикара: «Говори маат в собственных владениях, и будут благоговеть перед тобой вельможи, которые ведают страной; когда о божественном владыке свидетельствует праведность сердца, ведомства дворца внушают благоговение окрестностям. Твори маат, и ты будешь долго пребывать на земле. Утешь стенающего, не притесняй вдову, не прогоняй сына от имущества его отца и не смещай вельмож с их постов. Остерегайся карать опрометчиво! Не убивай – нет тебе в этом пользы, наказывай побоями и заключением; благодаря этому будет заселяться эта страна; исключение лишь для бунтовщика, чей замысел раскрыт. Бог знает строптивцев, но бог карает и за (напрасную) кровь; милосердный [продлевает] время (своей жизни)» [8, с. 17–23]. В поучении – внушение будущему правителю – не разорять подданных, исполняющих предписания; не наказывать невиновных; поддерживать нуждающегося в этом; чувствовать силу милосердия и не забывать о нем.

Принципы милосердия – творение добра и добрых дел сегодня, здесь и сейчас, в этой жизни – вот гарантия того, что божественные силы завтра решат, что то, что удерживает человеческую жизнь в ее существующем виде, будет продолжаться. Любое праведное деяние сегодня – это скрытая просьба и мольба о проявлении милосердия; это доказательство и аргумент в силу того, почему богам в мире загробном необходимо сохранить то или иное индивидуальное человеческое существование и пощадить конкретного человека, проявить и к нему милосердие в ответ. Следует помнить, что одним из важных принципов древнеегипетской культуры является вера в жизнь вечную и в индивидуальное бессмертие. Этот принцип давал возможность самовыражения не только в жизни, но и после.

Этот принцип очень важен: в шумеро-аккадской традиции, в Древнем Вавилоне происходили подобные процессы. В Вавилонии постоянной темой поэм во II тыс. становятся невинные страдальцы. Бедствующий страдалец жалуется, что судьба его плачевна, а вел он себя как должно, творил добрые дела, но в его жизни болезни, наказания и все то, чего он не заслужил. Утешающий и сострадающий ему друг отвечает: «Рассудок твой стройный, точно безумец, ты [спутал], Рассеянным и неразумным сделал ты [поведенье], Слепому [лик] твой прекрасный ты уподобил. То, что ты неотступно желаешь, – [получишь]. Прежняя сень по молитве [вернется], Примиренная богиня возвратится по [просьбе]; [Те, кто тебя не] прощали, сжалются над тобою, Разумения справедливости ищи постоянно. Могучий [защитник] да положит милость, [Гнев его да смягчится], прощение он да подарит!» [20, pp. 63–89].

Здесь также понятия добра и зла, наказания и пощады, справедливости и милосердия поднимаются не просто на уровне абстракции. Идея жертвенности страдальца в отсутствии помощи и милости богов порождает идею переосмысления и своего существования, и всеобщего существования. Незнание божественного промысла, незнание истинной причины возникновения зла и страдания, а также интеллектуальный и эмоциональный бунт против этого незнания и сегодня одна из удивительных философских проблем.

Данная проблема находит варианты своего решения в древнеегипетской мысли. Обращаясь к египетским царствам, важно отметить, что власть верховного правителя, как вид власти верховной и правительствующей, являлась на протяжении истории преимущественно властью сильной и властью сильного. Ответ на вопрос, является ли милосердие уделом слабых или же достоинством сильных, здесь решается однозначно в пользу второго. Кроме того, следует заметить, что именно здесь задается потенциал репрезентации милосердия как нравственного качества и достоинства сильного. Власть имеет социальную природу. В древнеегипетском варианте социальное находится во власти и природное находится во власти, соци-

альное и природное связываются и соподчиняются во власти. Именно в этой взаимосвязи и соподчинении милосердие приобретает качества возделанной человеческой души, сущностью социальной реальности в мире природном, реальном и настоящем, здесь и сейчас, а также условием и способом существования в иной реальности, не ограничивающейся временем.

Правители Древнего Египта оставляли о себе воспоминания как о правителях не просто справедливых, но прежде всего щедрых, сострадательных и милосердных.

От эпохи Древнего царства (III тысячелетие до н. э.) дошли надписи жреца Шеши: «Я спасал несчастного от более сильного... я давал хлеб голодному, одеяние нагому. Я перевозил на своей лодке не имеющего ее. Я хоронил не имеющего сына своего...» [12, с. 62–63]. Также начертания в гробнице Амени, номарха Антилопьего нома гласят о следующем: «Не было ни одной дочери гражданина, с которой я поступил бы дурно, не было ни одной вдовы, которую я бы угнетал... не было ни одного несчастного в моей области; не было ни одного голодного в мое время. Когда наступили голодные года, я вспахал все поля Антилопьего нома, вплоть до южного и северного рубежа, сохранив его население живым и доставляя ему пропитание...» [2, с. 158].

В заупокойных текстах, например в «Книге Мертвых», милосердие – неотъемлемая часть и элемент нравственного состояния и достоинства сильного человека. Забота о чистоте сердца подчеркивает дела милосердия покойного как первого необходимого условия оправдания всего его земного существования и гарантии дарования ему будущей вечной, загробной жизни, поистине царской, где каждый превратится в Осириса и каждый станет спутником Солнца. В подземном царстве мертвых душа предстает перед Осирисом. Судья (в образе богини Маат) взвешивает сердце души, на вторую чашу весов кладется статуэтка Правды, и если она поднималась вверх, то душа тут же пожиралась адским чудовищем. В противном случае душа сохраняла жизнь, что и являлось «ка» – новым жизненным началом. В «Книге Мертвых» боги – беспристрастные судьи «Маати», перед которыми покойный должен будет держать ответ о своих земных делах: «Вот я пришел к вам. Я без греха, без порока, без зла, без слабостей. Нет того, против кого я бы сотворил что-нибудь. Я живу правдой. Я пью правду моего сердца. Я делал то, что просили люди и что нравилось богам. Я умилиствовал Бога тем, что ему приятно. Я давал хлеб голодному, воду – жаждущему, одежду – нагому, ладью для переправы – не имеющему ее. Я совершал жертвы богам и заупокойные жертвенные службы светлым душам (аху). Освободите меня, защитите меня...» [6, с. 10].

Очевидно, что справедливость милосердия и милосердие справедливости в их единстве и неразрывности, а также истина и миропорядок являлись сакральными ценностями, которые поддерживала идеология и государственность верховной власти правящих династий, а охраняемые ими ценности, в свою очередь, не менее эффективно поддерживали легитимность, авторитет и верховенство верховной власти.

Следующим тезисом исследования следует назвать такие категории, как социальный (общественный) правопорядок. «Маат» и порядок во Вселенной не могли быть обеспечены без существования идеологии правопорядка в обществе. Вселенский порядок мыслился творением духа разумности, рациональности, справедливости и милосердия, а персональным воплощением признавалась именно богиня Маат. Забота о Маат – обязанность не только фараона, это обязанность государства, общества и каждого персонально.

Космическое и метафизическое в Маат могли быть проявлены через знание, письменность. Не является случайным то, что рядом с Маат в пантеоне находился в качестве ее мужа лунный бог Тот, изобретатель слов, текста, чисел и счета. По словам Б. Меню, «Норма есть дело Маат, ее применение – дело Тота». Или же: «Маат – это понятие идеала права (добродетели и справедливости), основанное на фундаментальном различии между добром и злом, противопоставляемое беспорядку, беззаконию, неправде. Тот есть архетип судьи, который применяет право, ссылаясь на Маат, он “магистрат Маат” и модель царя в судебной сфере» [21, р. 378].

Разумность, рациональное милосердие сильного, его способность определить справедливость и восстановить ее составляют важную часть правовой и духовной культуры Древнего Египта. Эта культура транслирует справедливость и милосердие сильного как объективную и рациональную общественную потребность. Потребность является базисной, она обладает биологической и социальной характеристиками. Естественность потребности милосердия сильного выражается в необходимости обеспечить человеческое существование, использовать милосердие как средство продолжения жизни даже после смерти. Социальное измерение потребности милосердия сильного заключается в стремлении человека принадлежать определенной ассоциации, общности, пользоваться вниманием окружающих, быть объектом их

уважения, любви, взаимности; поддерживать такую принадлежность. Социальность, переходящая в нормативность, заключается также в способности реализации милосердия сильного как потребность не только для себя (осознаваемую как право), но и для других, осознаваемую как обязанность и предписание, что также поддерживает и укрепляет «Маат» как социальный порядок. Государственная служба тем самым – не просто подчинение и функция. Нахождение на государственной службе – это форма помощи правителю – главному хранителю «Маат» на земле, в его сложной работе по поддержанию некогда установленного миропорядка и справедливости, его восстановлению в мире действующем.

Милосердие и закон. Состоянием, противоположным «Маат», могло явиться зло, вносящее в мир обратное: несправедливость, жестокость, ложь и хаос, в целом беззаконие, преступление в его религиозно-моральном и социально-правовом содержании.

По фактически имеющимся данным древнеегипетский термин, состоящий из согласных звуков sbi.w, обозначал и мятежника и вора [23, р. 42]. Вместе с тем, поскольку древнеегипетская картина мира исходила из понимания этого мира как собрания противоположностей (света и тьмы, неба и земли, добра и зла), то и любое зло, и преступления являлись необходимой и неотъемлемой частью мироустройства, его продолжением.

Силы зла в древнеегипетской мысли также имеют свое отождествление и обожествляются. Их воплощением в мифологии явился Сет – человек с головой мистического животного, бог с «плохим» характером. Сет персонифицировал гнев, ярость и насилие, воплощал «мятеж и раздор» [22, р. 197], тем он противостоял Маат. Древнеегипетские тексты описывали «последователей Сета» как распутников, пьяниц и мятежников, угрожавших существованию духа Маат [18, р. 139], они проклинались как злодеи. Именно здесь концептуально представление о преступлении как о явлении социальной реальности, хотя и переходящего за грани нормального и причиняющего зло и гибель, но вместе с тем являющегося необходимым условием для существования мира. При таком положении наказание не могло мыслиться исключительно с позиций возмездия, а направлялось на восстановление прежнего мироустройства и прежнего порядка посредством при-мир-ения.

Анализ древнеегипетской доктрины «Посмертного Суда» показывает, что в любом случае неотвратимо человек за содеянное получал свое. Умерший в зале Маат (Зале Правосудия), представ перед Осирисом, давал отчет о своих поступках во время земной жизни. Оправдываясь, а также перечисляя свои праведные поступки и добродетели, клянясь в своем чистосердечии, умерший представлял эти деяния средством разрушения греха. Душа, совершавшая преступления, не допускалась к вечной жизни.

Примечательно также взвешенное отношение к возможности применения смертной казни, ее исключительность. Например, в Поучении гераклиопольского государя царевичу Хети..., призывая исполнять «Маат», отец дает совет: «Остерегайся карать опрометчиво; не убивай, нет тебе в этом пользы. Ты станешь наказывать побоями и заключением, благодаря этому обустроится эта страна» [5, с. 195].

Преступление нарушает «Маат», это грех не только тела, но и человеческой души. Только разрушение физической плоти не дает шансов выжить в мире загробном. Характер смертной казни: утопление в Ниле, сожжение заживо, сбрасывание на вершину острого столба – с одной стороны, не давал душе умершего возможности быть похороненным в земле и найти успокоение. С другой стороны, разнообразие характера и видов этих смертельных наказаний, их описаний означало отсутствие для смертной казни единого отдельного (специального) понятия и термина.

Изложенное свидетельствует о достаточно зрелой правовой культуре и развитом правосознании древних египтян. Это возможно в случае поддержания общества в достаточно автономном состоянии, без вмешательства верховной власти фараона. Именно развитой цивилизации свойственно наличие рациональных представлений о милосердии как антиподе цинизма, черствости, равнодушия и жестокости, способности транслировать эти представления для последующих поколений и культур.

Важно видеть мировоззренческое сходство древнеегипетской и раннехристианской культур. Из христианской эсхатологии также после смерти человека ожидает известная участь: после разлучения с телом душу встречают силы светлые и силы темные, сопровождают через мытарства и испытания к вратам Рая, и душе предстоит пройти испытания, чтобы «взойти на небо, поселиться в свете живых, вступить в страну жизни» [13, с. 389–390]. Если душа виновна в грехах, то «приходят полчища демонов; злые ангелы и темные силы берут эту душу и увлекают ее на свою сторону» [15, с. 237–238]. Проблематика испытаний параллельна

тематике мытарств, распространенной в раннехристианской литературе, в частности, в упомянутых работах св. Ефрема Сирина (ум. 373), Макария Египетского (ум. 390), Макария Александрийского (ок. 304–401), Иоанна Златоуста (ум. 407) [14]. Проблематика соотношения древнеегипетского списка грехов в Негативной исповеди (125-й главе «Книги мертвых») с перечнем грехов и соответствующих мытарств всего раннего христианства представлена у А. В. Воробьева [4, с. 33–37], обосновавшему вывод о том, что религия ранних христиан по сути была частью ближневосточного миропонимания и была связана с древневосточным мифологическим сознанием, а эсхатологические представления имели структурное сходство – «пространственные и темпоральные характеристики, векторы движения, акторы». Серьезное влияние египетской литературы на другие литературы древности, прежде всего на Библию, подробно обоснованы ведущим советским специалистом в области египетской литературы М. А. Коростовцевым [10, с. 23–32]; взаимовлияние и взаимодействие древнеегипетской и древнееврейской письменности и словесности отмечает Е. В. Мисецкий [11, с. 21–35].

Исследователями не остается без внимания и определенная антропоцентричность древнеегипетских представлений. В древнеегипетских текстах и источниках нет информации о происхождении человека, четких различий между богом и человеком также нет. Действительно, как справедливо отмечают Л. В. Арутюнян и К. А. Ясько [1, с. 260–264], нам известен лишь малый процент необъятного культурного богатства жизни древних египтян, мы не можем быть уверены, что правильно ее интерпретируем. Следует добавить к этому суждению, что много тайн великой древнеегипетской цивилизации предстоит открыть, в том числе тайн правовой культуры, а одним из ключей будут являться суждения о смысле и практиках справедливости и милосердия, границ прощения и искупления, пределов сострадания и воздаяния.

Заключение. Делая вывод по проведенному исследованию, необходимо отметить, что милосердие как рациональное знание, разумное милосердие в Древнем Египте выступало также как идеальная потребность познания мира – мира реального и загробного, в качестве способа его исследования. Милосердие, являясь частью вселенского миропорядка и гармонии «маат», занимало в нем важное место, имело свое предназначение, находилось в основе создаваемых моделей мира. Практически не осталось правовых памятников древнеегипетской мысли, но остались источники представлений о справедливости и милосердии как неотъемлемых элементах древнеегипетской культуры.

При происходящем процессе трансформации социоантропоморфического мировоззрения и демифологизации и в условиях религиозности и иррационализма древние египтяне смогли 4,5 тысячи лет назад совершить одну из загадочных и «странных из всех социальных революций» [12, с. 56].

Удивительно, что в этой революции были экспропрированы не политические институты и власть, земля или иные материальные богатства жрецов и фараонов, а духовные ритуалы и их скрытые значения, тайны преодоления смерти и обретения индивидуального бессмертия. Плоды этой революции оказали огромное значение на мировой историко-философский процесс. Предфилософская категория «маат» оказала существенное влияние на всю длительную эволюцию древнеегипетской духовной культуры, вплоть до эпохи эллинизма, раннего христианства. Она нашла воплощение в традиции справедливости созидательного характера, являющейся основой для солидарности и помощи нуждающемуся (формула «давать маат» равно осуществлять милосердие), – силы милосердной, в отделении в последующем от нее в древнегреческой традиции мифологема «дикэ» как справедливости карающей (силы правосудной).

Представленные воззрения, возвысившись над веками и судьбами, словно невидимые, духовные пирамиды, приобретали характер самостоятельных философских категорий. При этом практики справедливости и милосердия, закрепив свой приоритет в качестве духовных над материальными, все же носили вполне объяснимый и рациональный характер. Тем самым они оказались доступными каждому. В целом эти ценности способствовали и будут способствовать интеграции общества, быть исходным средством защиты общественных отношений и основным элементом системы социального регулирования. Именно по этой причине представления о милосердии традиционно присущи развитым культурам, примером чему мы можем назвать культуру древнего египетского общества. Социальные практики истины, справедливости и милосердия, имея объяснимый и рациональный характер, закрепляли приоритет духовного над материальным; передавались от поколения к поколению и способствовали интеграции древнеегипетского общества на протяжении многих веков. Милосердие как категория оказалась субстанциональной, но в то же время способной к трансформации и эволюции на последующих стадиях историко-философского процесса.

Список литературы

1. Арутюнян Л. В. Древнеегипетская додинастическая цивилизация / Л. В. Арутюнян, К. А. Ясько // Научные вызовы экономического развития в контексте цифровых трансформаций : сб. научных трудов по результатам Всероссийской национальной (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и магистрантов, Севастополь, 13–15 января 2022 года. Симферополь : Типография Ариал, 2022. С. 260–264. EDN: IKVBCQ.
2. Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Мн. : Харвест, 2003. 832 с.
3. Видеман А. Религия древних египтян / пер. Л. А. Карпова. М. : Центрполиграф, 2009. 141 с.
4. Воробьев А. В. Мирозозренческий параллелизм древнеегипетской и раннехристианской культур на примере представлений о посмертном путешествии человеческой души // Вопросы культурологии. 2011. № 4. С. 33–37. EDN: OEYVND.
5. Демидчик А. Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005.
6. Древнеегипетская «Книга Мертвых» / пер. с древнеегипетского, введение и комментарии М. А. Чегодаева. URL: <https://pstgu.ru/download/1180370552.mertvyh.pdf?ysclid=lf72rqueri761400519> (дата обращения: 13.03.2023).
7. Жданов В. В. Эволюция категории «Маат» в древнеегипетской мысли. М., 2006.
8. История Древнего Востока: тексты и документы / под ред. В. И. Кузищина. М., 2002. С. 17–23.
9. Коростовцев М. А. Литература Древнего царства (III тыс. до н. э.) / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького // Т. 3: Литература Древнего Египта. М. : Наука, 1983.
10. Коростовцев М. А. Древнеегипетская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. М. : Художественная литература, 1973. С. 23–32.
11. Мисецкий Е. В. Египетская и ветхозаветная письменность и словесность: взаимодействие, взаимовлияние // Язык. Словесность. Культура. 2016. Т. 6. № 4–5. С. 21–35.
12. Поликарпов В. С. Лекции по культурологии. М. : Гардарика, Экспертное бюро, 1997. 344 с.
13. Св. Ефрем Сирий. Творения. Ч. 3. М., 1859. С. 389–390. Стр. 104.
14. Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. Т. II. Бес. 53 // Как проводит душа первые сорок дней по исходе из тела. М., 1998.
15. Св. Макарий Египетский. Беседы. М., 1852. С. 237–238. Бес. 22.
16. Томсинов В. А. Государство и право Древнего Египта : монография. М. : Зерцало-М, 2011. 512 с.
17. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии : учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. М. : Высш. школа, 1981.
18. Юайотт Ж. Таинственный мир сынов Ра // Курьер ЮНЕСКО. 1988.
19. Buson M. R. Encyclopedia of Ancient Egypt. Revised Edition. New York, 2002.
20. Lambert W. G. Babylonian Wisdom Literature. Oxford, 1960. Pp. 63–89.
21. Menu B. Le tombeau de Pérosiris (2). Maât, Thot et le droit // Bulletin De L'Institut Français D'Archéologie Orientale. Le Caire, 1995. Pp. 282, 285. Цит. по Томсинов В. А. Государство и право Древнего Египта : монография. М. : Зерцало-М, 2011. 512 с.
22. Wilkinson, Richard H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. London and New York, 2003.
23. Willems, Harco. Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription) // The Journal of Egyptian Archaeology. 1990. Vol. 76.

Mercy in the system of pre-philosophical categories of Ancient Egyptian culture

Skorev Vasily Aleksandrovich

senior lecturer, Siberian Institute of Business and Information Technologies.
Russia, Omsk. ORCID: 0000-0002-2296-9782. E-mail: v.skorev@yandex.ru

Abstract. The ideas of mercy as a virtue that extends to all living things in general, going back to ancient times, continue to be relevant in the modern world. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 approved the Foundations of state Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Values as moral guidelines have the ability to be passed down from generation to generation for many thousands of years. They can be socio-cultural phenomena, be not only national, but also universal. Among them are life, work, mercy, justice, collectivism, mutual assistance. In the tradition of our historical and philosophical sciences, an appeal to the experience of the past. The appeal to the experience of the culture of Ancient Egypt also happened more than once. This is the period of late antiquity, the beginning of the XIX century. and the emerging Egyptology as a complex science. A similar trend has been observed in recent decades, during the years of rethinking the importance of spiritual and moral values, methods and mechanisms for their protection. The author's scientific research is devoted to the study of the concept of mercy in the ancient Egyptian pre-philosophical categories, its representation in the experience of the state, cultural and legal development of the ancient Egyptian state. The study analyzes one of the sacred categories of ancient Egyptian

culture "Maat" ("world order-justice-truth"), its influence on the formation of moral and socio-political concepts, traditions and customs. The author comes to the conclusion that the ethical aspects of the category "Maat" have affected cultural, social, political and legal relations. Social practices of justice and mercy during this period consolidated the priority of the spiritual over the material, while having an explicable and rational character, being accessible to everyone and contributing to the integration of society for many centuries.

Keywords: power, state, ancient Egyptian culture, truth, mercy, order, pre-philosophy, justice.

References

1. Arutyunyan L. V. *Drevneegipetskaya dodinasticheskaya civilizaciya* [Ancient Egyptian pre-dynastic civilization] / L. V. Harutyunyan, K. A. Yasko // *Nauchnye vyzovy ekonomicheskogo razvitiya v kontekste cifrovyykh transformacij : sb. nauchnykh trudov po rezul'tatam Vserossijskoj nacional'noj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh, aspirantov i magistrantov, Sevastopol', 13–15 yanvarya 2022 goda* – Scientific challenges of economic development in the context of digital transformations : collection of scientific papers based on the results of the All-Russian national (with international participation) scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and undergraduates, Sevastopol, January 13–15, 2022. Simferopol. Arial Printing House, 2022. Pp. 260–264. EDN: IKVBCQ.
2. Brested D., Turaev B. *Istoriya Drevnego Egipta* [The history of Ancient Egypt]. Mn. Harvest. 2003. 832 p.
3. Videman A. *Religiya drevnih egiptyan* [Religion of the ancient Egyptians] / transl. L. A. Karpova. M. Centrpoligraf. 2009. 141 p.
4. Vorob'ev A. V. *Mirovozzrencheskij parallelizm drevneegipetskoj i rannekhristsianskoj kul'tur na primere predstavlenij o posmertnom puteshestvii chelovecheskoj dushi* [Ideological parallelism of ancient Egyptian and early Christian cultures on the example of ideas about the posthumous journey of the human soul] // *Voprosy kul'turologii* – Questions of cultural studies. 2011. No. 4. Pp. 33–37. EDN: OEYVND.
5. Demidchik A. E. *Bezmyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoj Gerakleopol'skoj monarhii* [Nameless pyramid. The State doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy]. SPb. 2005.
6. *Drevneegipetskaya "Kniga Mertvyh"* – The Ancient Egyptian "Book of the Dead" / transl. from Ancient Egyptian, introduction and comments by M. A. Chegodaev. Available at: <https://pstgu.ru/download/1180-370552.mertvyh.pdf?ysclid=lf72rquepi761400519> (date accessed: 13.03.2023).
7. Zhdanov V. V. *Evoljuciya kategorii "Maat" v drevneegipetskoj mysli* [Evolution of the category "Maat" in ancient Egyptian thought]. M. 2006.
8. *Istoriya Drevnego Vostoka: teksty i dokumenty* – History of the Ancient East: texts and documents / ed. by V. I. Kuzishchin. M. 2002. Pp. 17–23.
9. Korostovcev M. A. *Literatura Drevnego carstva (III tys. do n. e.)* [Literature of the Ancient Kingdom (III thousand BC)] / USSR Academy of Sciences; Institute of World Literature n. a. A. M. Gorky // *T. 3: Literatura Drevnego Egipta* – Vol. 3: Literature of Ancient Egypt. M. Nauka (Science). 1983.
10. Korostovcev M. *Drevneegipetskaya literatura* [Ancient Egyptian literature] // *Poeziya i proza Drevnego Vostoka* – Poetry and prose of the Ancient East. M. Hudozhestvennaya literature (Fiction). 1973. Pp. 23–32.
11. Miseckij E. V. *Egipetskaya i vethozavetnaya pis'mennost' i slovesnost': vzaimodejstvie, vzaimovliyanie* [Egyptian and Old Testament writing and literature: interaction, mutual influence] // *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* – Language. Literature. Culture. 2016. Vol. 6. No. 4–5. Pp. 21–35.
12. Polikarpov V. S. *Lekcii po kul'turologii* [Lectures on cultural studies]. M. Gardarika, Expert Bureau. 1997. 344 p.
13. Sv. *Efrem Sirin. Tvoreniya. Ch. 3* [Creation. Pt. 3]. M. 1859. Pp. 389–390. Sl. 104.
14. Sv. *Ioann Zlatoust. Besedy na Evangelie ot Matfeya. T. II. Bes. 53* [Chrysostom Conversations on the Gospel of Matthew. Vol. II. Bes. 53] // *Kak provodit dusha pervye sorok dnei po iskhode iz tela* – How the soul spends the first forty days after exodus from the body. M. 1998.
15. Sv. *Makarij. Egipetskiy Besedy* [Egypt Conversations]. M. 1852. Pp. 237–238. Bes. 22.
16. Tomsinov V. A. *Gosudarstvo i pravo Drevnego Egipta : monografiya* [State and the law of Ancient Egypt : monograph]. M. IKD Zertsalo-M. 2011. 512 p.
17. Chanyshv A. N. *Kurs lekcij po drevnej filosofii : ucheb. posobie dlya filos. fak. i otdelenij un-tov* [Course of lectures on ancient philosophy : tutorial for philos. fac. and departments of university]. M. Vyshsaya shkola (Higher School). 1981.
18. *Yuajott Zh. Tainstvennyj mir synov Ra* [The mysterious world of the Sons of Ra] // *Kur'er YuNESKO* – UNESCO courier. 1988.
19. Buson M. R. *Encyclopedia of Ancient Egypt. Revised Edition*. New York, 2002.
20. Lambert W. G. *Babylonian Wisdom Literature*. Oxford, 1960. Pp. 63–89.
21. Menu B. *Le tombeau de Pétoiris (2). Maât, Th ot et le droit* // *Bulletin De L'Institut Français D'Archéologie Orientale*. Le Caire, 1995. Pp. 282, 285. Cit. by Tomsinov V. A. *The State and law of Ancient Egypt : monograph*. M. Zertsalo-M. 2011. 512 c.
22. *Wilkinson, Richard H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. London and New York, 2003.
23. *Willems, Harco Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription)* // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1990. Vol. 76.